

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

ХИЩНИКИ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Хищники

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Хищники / Н. И. Леонов — «Эксмо», 2016 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-88112-3

К следователю по особо важным делам Льву Гурову обратилась молодая женщина Ирина Вологодцева. Ее брата Бориса, научного сотрудника крупного НИИ, обвиняют в том, что он якобы помогал своей малолетней падчерице. Заявление на мужа написала жена Бориса – Стефания, давно посягающая на его квартиру. Гуров и Крячко берутся помочь Ирине восстановить справедливость, даже не подозревая, что следы обычного на первый взгляд, бытового дела выведут сыщиков на беспрецедентные преступные махинации международного масштаба.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88112-3

© Леонов Н. И., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Николай Леонов, Алексей Макеев

Хищники

© Леонова О. М., 2016

© Макеев А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

В густых вечерних сумерках старший оперуполномоченный главка угрозыска полковник Гуров неспешной походкой направлялся к своему подъезду, обдумывая планы на завтрашний день. Неожиданно краем глаза он уловил смутный женский силуэт, торопливо двинувшийся к нему со стороны лавочки под тополем, где обычно заседало местное «политбюро» пенсионерок. Интуитивно он сразу же догадался – это по его душу. И, скорее всего, с какой-нибудь просьбой. Что за просьба может быть? Надо думать, все то же, что было слышано им не единожды. Кто-то чего-то напортачил, а его близкие родственники, будучи не в силах поверить в виновность «такого хорошего мальчика», всевозможными способами пытаются изыскать возможности, как бы избавить его от ответственности. Как же это все напрягает!..

Приблизившись к нему и взволнованно дыша, незнакомка, которой на вид было лет двадцать шесть – двадцать семь, прерывающимся голосом поздоровалась и заговорила, прижимая руки к груди:

– ...Лев Иванович! Вы – моя последняя надежда на справедливость. Я прошла все семь кругов ада – и следственный комитет, и прокуратуру, и адвокатуру, и суд... И все напрасно! Поэтому решила побеспокоить вас. Мне о вас рассказала знакомая, как о человеке глубоко порядочном и справедливом. Вы не могли бы уделить мне пять-десять минут? Я понимаю, что заявила не вовремя, но...

Мысленно отметив: «Ну, ешкин кот, опять все то же, что и всегда: я – «последняя надежда», я – «глубоко порядочный», «справедливый»... И все ради того, чтобы кто-то из ее родственников не оказался на нарах. Хм-м-м... Ладно, никуда не денешься, придется вникать. Вдруг и в самом деле под раздачу попал невиновный?..» – Гуров остановился и, взглянув на часы, коротко кивнул:

– Слушаю вас...

Шмыгнув носом и смахнув слезы с длинных пушистых ресниц, незнакомка представилась как жительница Подмосковья Вологодцева Ирина Александровна, работающая учителем русского языка и литературы в одной из тамошних школ. Поминутно вздыхая, девушка несколько скомканно начала свое повествование:

– Лев Иванович, три дня назад по ложному обвинению, по грязному навету, под стражу взяли моего старшего брата, будто он... Ой, господи, даже говорить – язык не поворачивается! – Она всхлипнула и торопливо перекрестилась. – Будто он покушался на свою падчерицу. А он не мог этого сделать! Понимаете? Он хороший, добрый, порядочный человек, он любит ее как родную дочь...

Слушая свою собеседницу, Гуров задумчиво нахмурил лоб. «Приплыли! – мысленно резюмировал он. – И тут – «ложное обвинение», «грязный навет»... Прямо как будто все по одной шпаргалке готовятся. Хотя, что тут удивительного? Для таких самодельных «адвокатов» их родственник – типаж всегда и во всем, безусловно, положительный, не способный кому-либо причинить зла. Тогда как на самом деле «белый и пушистый» иной раз такое сотворит!.. Да-а-а! Попробуй пойми этих ходатаев – они сами заблуждаются или пытаются ввести в заблуждение других?..»

– Я так понимаю, о покушении на ребенка заявила жена вашего брата? Его, кстати, как зовут? Где он проживает? – В голосе Льва сквозила усталость и даже сдержанный холодок.

Однажды он уже сталкивался с подобным случаем. Несколько лет назад на этом же самом месте мать подозреваемого в ограблении и убийстве инвалида умоляла его разобраться с делом ее «лапулечки», который, по мнению охваченной горем женщины, являл собой без малого ангела во плоти, не способного даже помыслить о чем-то низменном. На следующий день, потратив пару часов личного времени, Гуров выяснил, что ангелоподобный лапулечка на

самом деле – законченный подонок, ранее совершивший целую серию нападений на молодых женщин, которых он не только грабил, но еще и зверски избивал и насиловал. К тому моменту, как к Гурову пришла мать задержанного, его уже опознали потерпевшие, часть из которых все еще находилась в больнице. Вот и теперь – не такого ли «лапулечку» пытается «отмазать» его сестра?

Но та, как видно, ощутив не самое позитивное настроение полковника, немедленно взяла себя в руки и, отбросив слезливую жалостливость в интонациях голоса, произнесла уже достаточно твердо и решительно:

– Лев Иванович, вы, наверное, уже не раз сталкивались с ситуациями, когда родственники пытались выгородить настоящих преступников, даже зная о том, что они натворили на самом деле. Заверяю вас – это не тот случай. Я могу назвать не менее десятка достойных людей, которые хорошо знают моего брата и подтвердят, что он и в самом деле невиновен. Его зовут Вологодцев Борис. Он работает старшим научным сотрудником НИИ геологоразведки и недропользования. Можете созвониться с его коллегами, и они расскажут, что он за человек.

Словно обрета второе дыхание, Ирина заговорила в чем-то даже напористо, особо подчеркивая, что Борис ранее к ответственности не привлекался и судим никогда не был. По ее словам, брату недавно исполнилось тридцать два года, но он уже «без пяти минут» доктор наук. Со своей семьей Борис проживает в Мневниках. Обзавелся он ею пять лет назад, вопреки желанию сестры и других родственников. Тягостно вздыхая, Ирина рассказала, что она «костями ложилась», возражая против этого скоропалительного брака, но Борис все равно женился на молодой разведенке, которую зовут Свербицкая Стефания.

У его избранницы есть ребенок от первого брака – дочь Наташа. В ту пору девочке было пять лет, сейчас уже десять. К Наташе, отметила Ирина, лично она относится очень хорошо – падчерица Бориса и умница, и аккуратистка, чего нельзя сказать о Стефании. По своей натуре эта дамочка – законченный трутень, каких поискать. Свербицкая нигде не работает, зато постоянно мотается по каким-то «мутным тусовкам», путаясь там со всякими «актуалами» – непонятного рода «современными художниками» и подозрительного вида «рок-бардами». Тогда как дома – не варено, не стирано, не убрано.

Издав нейтральное «угу» (собственно говоря, что еще можно было услышать от золовки о нелюбимой снохе?), Лев поинтересовался:

– А что же он с ней не разведется? Или он ничего не знает о ее похождениях?

Коротко рассмеявшись с оттенком горечи, Ирина пояснила, что Борис все распрекрасно знает о проделках своей благоверной, но продолжает жить с ней лишь из-за Наташи. Девочка обожает своего, как она называет, «папу Борю». Да и он душой успел прикипеть к ребенку. Борис уже несколько раз предпринимал попытки порвать со Стефанией, но в последний момент менял свое решение. И только из-за Наташи. В те дни, когда он уезжал в командировки, девочка становилась сама не своя – ничему не была рада, часто плакала... Стоило ему вернуться – она тут же оживала, от своего «папы Бори» не отходила ни на шаг. У Стефании это частенько вызывало настоящую ревность.

– ...«Наташа, что это ты к нему прицепилась?» – Ирина изобразила жену брата. – Иногда возникает такое ощущение, что это не он отчим Наташи, а Стефания – ее мачеха.

– А откуда у нее такое не совсем обычное имя – Стефания? – с некоторым недоумением хмыкнул Гуров.

– Это ее папочка дал ей такое заковыристое имечко! – пренебрежительно махнула рукой девушка. – Вечно эта Стешка – я ее так зову – корчит из себя что-то невероятное. Ну, так это и понятно – она ведь из семьи не простой, а из особо интеллигентной. Ее отец преподает философию то ли во Львове, то ли еще где, в какой-то там униатской академии. Кстати, он один из авторов теории существования «укров», что и египетские пирамиды построили, и лопатами вырыли Черное море... Думаю, у его доченьки мозги и свихнулись на этой почве.

– А какого же беса она не вышла замуж у себя во Львове за близкого по духу и настроениям? – пожал плечами Лев.

– А кому она там нужна, эта чванливая кретинка?! – тяжело вздохнула Ирина. – Там ведь тоже не дураки. Они ищут себе скромных и порядочных. Да и работающих. На кой она такая, что только и умеет краситься, а ребенок, когда Бориса нет дома, иной раз живет на одних лишь гамбургерах из соседней забегаловки? Ну, была она замужем за каким-то с югов. Так он – и года не прожили! – сбежал от нее за границу. Она тут-то как оказалась? Еще во времена Ющенко дала деру в Москву – там уже тогда житье было не мед. Ну а здесь, чтобы получить гражданство и прописку, нашла Борю-простака. Теперь вот надумала упрятать его в тюрьму...

– Причина? – все так же нейтрально спросил Гуров.

– Она очевидна, как белый день! – развела руками Ирина. – Раз и гражданство, и квартира с пропиской у Стешки уже есть, то Борис, понятное дело, ей уже не нужен. От него теперь можно спокойно избавиться. Она и нашла самый простой и легкий способ – оклеветать, обоглать, облить грязью с ног до головы... Стешка хорошо рассчитала, что из тюрьмы он уж точно не выйдет.

– Почему вы считаете, что он не выйдет? У него проблемы со здоровьем?

Лев с какого-то момента ощутил, что его недоверие и настороженность постепенно начали таять. Что-то внутри подсказывало – Ирина говорит искренне, ни на йоту не кривя душой.

– До женитьбы он был совершенно здоровый человек. – В голосе девушки прозвучали горечь и досада. – А эта ведьма за пять лет все его здоровье высосала без остатка. Как вы думаете, где он сейчас находится? Лежит в больнице. И знаете, почему?

Марина рассказала, что, когда Бориса в наручниках прямо с работы увезли в СИЗО, в первый же вечер у него случился тяжелейший инфаркт. Еще бы, такое пережить! Он бы умер той же ночью, если бы не сокамерники. Один из воров со стажем, который сумел пронести с собой сотовый телефон, позвонил в «Скорую». Вот такой парадокс – уголовник оказался гуманнее так называемых правоохранителей. Эти мало того что проигнорировали состояние Бориса, так еще и не хотели пускать к нему врачей – заподозрили, что он притворяется.

Брата Ирины поместили в одну из клиник, по соседству со следственным изолятором. И хотя ему, с учетом состояния, нужен полный покой, в палату ежедневно навещается следователь, который выжимает из него «чистосердечное» в том, чего он не совершал.

– Вы с ним виделись? Я имею в виду, с братом? – Гуров нахмурился, в его глазах мелькнули искорки возмущения.

– Он в отдельной палате, под охраной. Никого туда не допускают. Но сегодня я сумела к нему пробраться. Договорилась с одной медсестрой – мы с ней немного похожи, и я вместо нее прошла в изолятор, как бы для выполнения процедур. Борис очень плох. Он подавлен, он не хочет жить. Этот поганец следователь пригрозил, что очень скоро его снова отправят в СИЗО, но уже в другую камеру, к каким-то беспредельщикам. Дескать, посидишь с ними – запоешь по-другому. А не запоешь, так закукарекаешь...

Проводив взглядом молодую парочку, которая, посматривая в их сторону, зашагала к крайнему подъезду, шушукаясь и пересмеиваясь, Лев резюмировал:

– И тогда вы снова пошли по всевозможным конторам, где вам снова добиться ничего не удалось...

Ирина в ответ удрученно кивнула. По ее словам, куда бы она ни обращалась, ее не считали должным даже выслушать до конца. И в прокуратуре, следователь которой ведет дело, и в следственном комитете ей категорично объяснили, что якобы совершенное ее братом в особых доказательствах не нуждается. Вроде того, заявительница прямо указала в своем заявлении, что лично застала мужа в тот момент, когда он пытался совершить развратные действия в отношении ее ребенка. «Не доверять ее информации у нас оснований нет!» – с нескрываемым

пренебрежением (как же, сеструха извращенца-уголовника!) обронил один из прокурорских работников.

Следователь, который занимается делом Бориса, уведомил Ирину без обиняков: «Вологодцев – педофил. Я в этом уверен и докажу его вину, как бы и кто бы ни пытался помешать следствию. Я его дожду. Он все равно признается. Более того! У меня есть подозрение, что это не единичный эпизод его преступных походов. Думаю, отбывать ему придется за целую серию таких гнусных делишек!»

Даже в адвокатской конторе ей сразу дали понять, что в виновности ее брата там никто не сомневается. Соответственно, было предложено за совершенно безумную сумму только лишь «несколько облегчить» его участь.

Из-за истории с Борисом начались неприятности и у самой Ирины. Кто-то неизвестный «проинформировал» о происходящем коллектив ее школы в поселке Звонцово. Хотя яснее ясного – настучала Стефания, которая относилась к Ирине с той же степенью неприязни. Сегодня утром с Ириной созвонилась школьная директриса и, даже не поздоровавшись, сообщила, что ей лучше бы самой написать заявление об уходе. Дескать, все равно к первому сентября вместо нее будет работать другой педагог.

– ...Мой сосед по дому – есть один там такой, Леха, который отбывал срок за хулиганство, вчера вечером мне встретился и посоветовал попросить помощи у нашего местного смотрящего, – морщась, как будто она вдруг увидела нечто противное и даже мерзкое, неохотно сообщила Ирина. – Вроде того, Гаджи – мужик авторитетный, может поспособствовать, чтобы Бориса не «опустили» в заключение. Дескать, он отправит куда надо маляву, и за своего брата можешь не париться – никто его не тронет.

Однако в ходе дальнейшего разговора Леха добавил, что «смотрящего» Гаджи деньги мало интересуют. С молодыми красивыми женщинами тот предпочитает рассчитываться по-другому. «Ну а чего кочевряжиться? – дымя сигареткой, философствовал самозванный добродух. – Пару раз с ним переспшишь – ничего с тебя не убудет. Зато братишке своему поможешь... Или тебе его не жаль? Смотри, а то при такой статье с зоны и без яиц он может выйти...»

– ...Я, конечно, ничего ему не сказала, просто молча повернулась и ушла. Но вот после сегодняшних мытарств уже не знаю, что и думать. Ощущение такое, что передо мной глухая черная стена подлости и равнодушия. Наверное, еще день-два таких мучений, и я соглашусь на любые их условия. Будь они все прокляты, эти твари, уроды, скоты! Через месяц со службы приходит мой парень – у него заканчивается контракт на Северном флоте. Собирались пожениться. Но если мне придется пойти к смотрящему, то ничего этого не будет. Не будет! Я не Стешка, кривить душой и скрывать от своего Женьки ничего не стану. Вот так... – Голос Ирины вновь дрогнул, и она поспешила отвернуться, доставая из сумочки носовой платок.

– Успокойтесь! – Гуров говорил спокойно и даже невозмутимо, однако в его словах теперь ощущались очень жесткие нотки. – Ходить ни к кому не надо. Никаких этих уголовных авторитетов! Я постараюсь разобраться в этой истории, хотя ничего заранее не обещаю. Но если невиновность вашего брата подтвердится, очень многим из обвинителей жизнь медом не покажется. Вот моя визитка, завтра с утра вам надо будет приехать к нам в главк и написать подробное заявление. Что могу обещать прямо сейчас – в отношении Бориса ничего противозаконного никто предпринять не посмеет. Он будет лечиться столько, сколько положено. Да, он пока еще остается подозреваемым. Но надо знать, что и подозреваемые имеют свои права. Так что повода для паники нет и быть не может.

Взяв визитку и благодарно улыбнувшись, девушка попрощалась и поспешила к стоянке такси. Проводив ее взглядом, Лев продолжил свой путь, но размышлял теперь уже совсем о другом. Он мысленно воспроизвел в памяти только что состоявшийся разговор и вновь сделал однозначный и во многом окончательный вывод – вероятнее всего, ситуация именно такова, как ее обрисовала его собеседница. А значит, завтра ему придется договариваться с Петром,

чтобы тот дал хотя бы день на изучение вопросов, связанных с обвинением в адрес Бориса Вологодцева. Но пойдет ли тот навстречу?

Сегодня после обеда Льва и его лучшего друга Стаса Крячко – тоже полковника, тоже оперуполномоченного главка, их общий друг-начальник генерал-лейтенант Петр Орлов уже в самом конце рабочего дня крупно «обрадовал». Ни с того ни с сего Петруха подкинул им «пустяковое дельце» о покушении на известного столичного строительного магната. Случилось так, что некто неизвестный, но очень хорошо подготовленный по части минно-взрывного дела «адской машиной» поднял на воздух новенький «Майбах» президента строительной компании «Майти билдинг» Арсения Дакраева.

Гуров и Крячко, к этому моменту поставившие последнюю точку в расследовании в общем-то банальной истории разворовывания оборотных средств столичного банка «Мельбурн» (там было расхищено и выведено за бугор что-то около сорока миллиардов рублей), вместо ожидавшихся выходных получили внеочередное «почетное» поручение – найти и изобличить киллера-взрывника.

Выражаясь вслух полулитературными (отчасти и вовсе не литературными) метафорами и эпитетами, крайне разочарованные приятели после «посиделок» в генеральском кабинете отбыли в свои апартаменты. Опера вкратце обговорили вероятные направления поиска «минера», как они меж собой поименовали неизвестного киллера.

Для начала загрузили информотдел в лице капитана Жаворонкова срочной работой по извлечению из бескрайнего информационного моря Интернета чрезвычайно важных для них сведений. Прежде всего – самой разнообразной (желательно «жареной»!) информации, в том числе и о потерпевшем, о его корпорации, о связанных с ним скандалах, а также различных справок и ссылок. «Под занавес» опера распределили между собой направления работы.

На себя Гуров взял общение с потерпевшим (сам магнат не пострадал и на волос, поскольку машина на момент взрыва была совершенно пустой) и осмотр места происшествия. Кроме того, Лев по телефону дал срочное задание своему давнему информатору Константину Бородину по кличке «Амбар» (тот содержал притон, где частенько собирались представители столичного криминалитета), дабы в кратчайшие сроки была собрана информация о людях, которые могли бы учинить «фейерверк», имеющий все признаки теракта.

Станислав взял на себя работу со свидетелями, с записями камер видеонаблюдения, с коллегами Дакраева по строительному бизнесу. И, надо сказать, приятели вполне преуспели в исполнении намеченного. Когда Гуров, покончив с разъездами по городу, загонял свой «Пежо» в гаражный бокс, с ним созвонился Стас и горделиво сообщил, что установил человека, который, предположительно, мог быть киллером. Впрочем, и сам Лев, вместе со специалистами изучив «дворец на колесах», изуродованный взрывом, сумел составить достаточно четкое представление о личности киллера, о предполагаемых мотивах преступления и даже о внешности «минера». И вот теперь завтра ему надо будет, отложив тему покушения, выкроить хоть немного времени на изучение дела Вологодцева...

Когда Гуров вошел к себе домой, выглянувшая в прихожую жена – ведущая актриса одного из лучших столичных театров Мария Строева, со смехом сообщила:

– Видела, видела твое randevu с некой прекрасной незнакомкой...

Пожав плечами, Лев усмехнулся и пояснил:

– Ну, что тут поделаешь, счастье мое? Как известно, седина в бороде, бес в ребро. Не устоял, понимаешь, перед натиском агрессивно-напористой молодости, искусился...

– Судя по всему, эта агрессивно-напористая молодость пребывала в очень подавленном настроении, это даже издали было видно, – уже серьезно, с оттенком сочувствия отметила Мария. – Что, опять ходоки с просьбой выручить?

– Опять... – Гуров удрученно вздохнул. – Старшего брата этой девушки обвинили в покушении на падчерицу...

Он вкратце рассказал об услышанном от Ирины. Выслушав, Строева некоторое время молчала.

– Боже мой! Как много стало подлости в этом мире... – печально констатировала она. – Да, может быть, Борис и совершил нечто омерзительное. Но его-то сестре за что такие испытания? Я только представила себя на ее месте, эту продиктованную ей необходимость ради спасения брата лечь под «коронованного» бандита – так даже затошнило от одной только мысли! Слушай, Лев, а может, вся эта история и была инспирирована этим «авторитетом» Гаджи, чтобы принудить девушку к сожительству?

– Мысль, конечно, интересная... – согласился Гуров. – Но, мне думается, чтобы добиться желаемого, этот смотрящий мог бы пойти и более простым путем. Например, устроив какую-нибудь подставу – они на это мастера. А то уж очень сложная получается комбинация. Да, в принципе, хулиган Леха вполне мог быть подослан этим Гаджи. Но даже если это и так, то, вероятнее всего, похотливый урка просто решил воспользоваться ситуацией. Кстати, что там у нас на ужин?

– Мой фирменный салат «Таинственный остров»! – направляясь на кухню, торжественно объявила Мария. – А хочешь, скажу, как я узнала, что ты с кем-то разговариваешь у дома? Я как раз резала ветчину, и тут – телефонный звонок. Слышу – скрипучий такой женский голос, причем ехидный-преехидный: «Мария Леонидовна, добрый вечер! А не хотели бы вы узнать, с кем и как Лев Иванович проводит время? Тогда выгляните в окно. Спокойной ночи!» Ну, я выглянула и сразу же все поняла. Догадалась и кто звонил. Это Зойка Перчихина, бывшая билетерша из нашего театра. Она живет в первом подъезде. Года два назад ее за пьянку выгнали, вот она теперь и пытается поквитаться, как будто это я ее увольняла...

Когда Гуров, воздавая должное кулинарным способностям супруги, дегустировал «Таинственный остров», лежавший перед ним на столе сотовый, неожиданно засветившись монитором, выдал мотив песенки «Как хорошо быть генералом, как хорошо быть генералом!...».

– Да, Петро! Чего там у тебя? Что не спится-то? – поинтересовался Лев с дружеской подначкой.

– Уснешь тут, едрена кочерыжка! – гроыхнул в трубке голос Орлова. – Я, между прочим, все еще на работе, не то что некоторые. Небось уже ужинаешь? Небось уминаешь какой-нибудь фирменный «Таинственный остров»? Да? А тут человеку ни житья, ни покоя не дают. Все насчет покушения на Дакраева долбят. Что там у вас со Стасом? Есть хоть какие-нибудь сдвиги?

Узнав о том, что сдвиги есть, и достаточно серьезные, Петр облегченно перевел дух и уже вполне удовлетворенно произнес:

– Молодцы, иного от вас я и не ожидал. Ну, все, до завтра... Утром жду у себя!

Глава 2

Утро началось с проливного дождя. Августовское небо, словно продырявившись сразу в нескольких местах, обрушило на столицу тысячи тонн воды, благо в виде мелких капель, орошающих Москву еще затемно, часов с пяти. Поднимаясь на крыльцо главка, Гуров оглянулся и с удовольствием втянул в легкие прохладный воздух, напоенный принесенной сюда свежестью далеких лесов и полей и избавленный небесной влагой от удушливой автомобильной гари и пыли.

– Лев Иванович, товарищ генерал-лейтенант просил вас немедленно зайти к нему, как только появитесь! – доверительно сообщил в вестибюле широченный дежурный, оторвавшись от телефона.

«Прямо сейчас хочет видеть?.. – направляясь к кабинету Орлова, с некоторым недоумением размышлял Гуров. – Похоже, случилось что-то очень неординарное. Вот будет хохма, если я сейчас войду, а Петруха объявит: «Киллер, что покушался на Дакраева, уже задержан». Нет, нет, нет! Еще прикольнее будет, если вдруг киллер сам, по собственной воле, уже сдался полиции и написал явку с повинной. Вот тогда уж точно обхохочемся!..»

Верочка, секретарша Орлова, наводя красоту прямо на рабочем месте, приветливо улыбнулась Льву и, ответив на приветствие, приглушенно сообщила с таинственным видом:

– Петр Николаевич сегодня пришел в самом расчудесном настроении! Давно его таким не видела...

Орлов и в самом деле выглядел довольным жизнью и всем сущим. После обмена приветствиями он указал на кресло и, жизнерадостно улыбнувшись, поинтересовался самочувствием Гурова.

– Да не жалуюсь... – окинув начальника-приятеля изучающим взглядом, пожал плечами Лев. – Я вот никак не пойму, что это ты так сияешь? Прямо как будто тебя пригласило на свидание большое модельное агентство всем своим составом...

Несколько пригасив улыбку, Петр протестующе помотал головой и отмахнулся, после чего саркастично хмыкнул и поспешил задать встречный вопрос:

– Ты считаешь, такое randevu для меня могло бы стать пределом мечтаний? Сам-то ты обрадовался бы, если бы тебя вдруг начала обхаживать целая толпа фотомodelьных красоток?

– Я-то – вряд ли... – Гуров от души рассмеялся. – Это вот Стас, думается мне, такому подарку судьбы был бы рад неописуемо.

Станислав Крячко, возникший в этот момент на пороге кабинета, уловив прозвучавшее упоминание о себе, настороженно зачастил:

– Чему там, чему там Стас обрадовался бы?

Уяснив, в чем суть сказанного, он охотно закивал, прижимая руку к груди:

– Спорить не буду – да, это меня никак не огорчило бы!

– Понятное дело! Такое предложение для тебя – сродни мечте медведя: забраться на неохраняемую пасеку с безжалыми пчелами. – Лев přátельски хлопнул Стаса по плечу. – Но я все же повторю свой вопрос нашему главному любителю устраивать сюрпризы, то есть тебе, Петро: так что там за интересная новость припрятана у тебя в рукаве?

– А ты уверен, что она интересная? – хохотнул Крячко. – И тем более приятная для нас?

– Более чем уверен! Ты глянь, глянь на его сияющий фасад! И так?.. – Гуров выжидающе прищурился.

– Да, мужики, кое-что для вас есть, можно даже сказать, сногшибательное. – Откинувшись к спинке кресла, Орлов изобразил величественный вид. – Вы только не падайте. Сегодня в четыре утра в Кузьминках в отделение полиции пришел некий гражданин и заявил о том, что это он устроил подрыв личного автомобиля господина Дакраева.

– Ну и что? – язвительно поморщился Стас. – Мало ли психов приходит в полицию, объявляя себя и Джеком-потрошителем, и главой марсианской мафии... Вчера же в вечерних новостях об этом происшествии сообщили, вот мужику в голову и ударило...

– Тамошние опера вначале именно так и рассудили. – Петр со значением выпятил нижнюю губу. – Но когда этот субъект рассказал о том, из каких материалов он смастерил взрывное устройство, как его устанавливал, где именно и при каких обстоятельствах – о чем по ТВ не упоминалось вообще, – стало ясно, что он не врет, не оговаривает себя. То бишь он и есть именно тот, кто поднял на воздух «Майбах» потерпевшего. Объяснил и мотивы своего поступка.

– Классовая ненависть к кровопийце-эксплуататору угнетенного человечества? – предположил Лев с абсолютно серьезным видом и нотками утрированной патетики в голосе.

Слушая его, Крячко громко фыркнул.

– Нет, классовые настроения тут ни при чем... – Орлов чуть поморщил нос – он был несколько разочарован реакцией приятелей.

Судя по всему, он ожидал взрыва восторгов и ликования. Не срослось... Уже без патетических интонаций и многозначительности в голосе Петр с кисловатым видом пояснил, что «минером» двигало болезненное любопытство человека с нарушенной психикой. Непонятно с чего, некоему хронически озадаченному вдруг захотелось узнать, сколь горько будет плакать запредельно богатый туз над своим почившим авто.

Туз не заплакал, мир не всколыхнулся, небо не разверзлось... Акция по сотрясению дум и душ вылилась в пошлую банальность, которая в информсообщениях СМИ заняла не более минуты эфирного времени. Это настолько огорчило «минера», что он сам решил поведать полиции о своих «души прекрасных порывах», в надежде получить хоть какие-то гарантии на некоторую известность и даже славу.

– Другими словами, наши вчерашние побегушки были напрасной тратой времени и сил? – потрясая руками, досадливо констатировал Станислав. – Японский городской! Черти бы его подрали, этого приклепнутого раздолбая!

– Да-а-а... – задумчиво кивнул Гуров. – Хрень с морковенью получилась какая-то. А кто он вообще, этот умишком убогий? Как он сумел состряпать мину, да еще и подложить ее?

Пояснив, что он и сам мало что знает о «минере», рассказать Петр смог немного. По предварительной информации, полученной из Кузьминок, это уроженец Москвы, семидесятого года рождения, выпускник химико-технологического вуза, служил в армии сапером. Отсюда и знание минно-взрывного дела. На учете у психиатров не стоял, хотя давно уже вел себя весьма неадекватно.

Взорвать машину он сумел без особого труда. «Минер» уже давно следил за одной из строительных площадок «Майти билдинга», где периодически появлялся Дакраев, – объект там возводился федерального значения, и ход работ контролировал сам президент корпорации. «Майбах» парковался всегда в одном и том же месте, поэтому «минер», под носом у вечно подпитых сторожей, ночной порой разобрал тротуарную плитку VIP-парковки, заложил радиоуправляемое взрывное устройство и снова аккуратно все уложил на место. И вот, дождавшись, когда в машине никого не было – на убийство он не настраивался изначально, – «минер» нажал на кнопку сотового телефона. Другой телефон, встроенный в мину, привел в действие взрыватель.

– Сейчас задержанного обследуют в Институте Сербского, – завершая свой «спич», добавил Орлов. – Но в любом случае можно считать, что на этом деле есть смысл поставить крест. Психиатры, сто против ста, признают его психически больным, поэтому судебные перспективы этого происшествия равны нулю. С чем вас и поздравляю. На сегодня можете быть свободны в счет успешного завершения расследования по «Мельбурну». Заслужили!

Подпрыгнув на кресле, Крячко тряхнул воздетыми кулаками и провозгласил:

– Отлично! Ну что, Лева, на какие озера махнем? На Дальнее или Струговское? Сейчас после дождя такой клев будет!.. А? Что думаешь?

К удивлению и Орлова, и тем более Стаса, Гуров отчего-то отреагировал на известие о выходном достаточно сдержанно. Он сидел, задумчиво глядя перед собой, словно что-то подсчитывал в уме.

– Лева, у тебя какие-то проблемы? Что такой скучный? – сочувственно спросил Петр.

– Проблемы? Да нет, у меня все в порядке... – Лев как-то неопределенно качнул головой. – Тут другое. Есть факт вопиющего безобразия, с которым надо разобраться во что бы то ни стало...

Он в общих чертах рассказал приятелям о своем вчерашнем разговоре с Ириной Вологодцевой. Выслушав его, Орлов досадливо побарабанил по столу пальцами. Стас, изобразив разочарованную мину, вытянул ноги перед собой, сунув руки в карманы брюк. Всем своим видом он как бы желал сказать: «Ну и на хрена мы вчера столько переломали копий, потеря Петруху за втюханное нам дело «минера»?! Один же черт, рыбалка накрывается медным тазом!..»

Выдержав некоторую паузу, Орлов приглушенно, с интригующими нотками, поинтересовался:

– Лева, а почему именно этой просительнице ты решил поверить? Она чем-то особенная?

– Разумеется! – подтвердил Гуров, закидывая ногу на ногу. – Прежде всего, она необычайно обаятельна. Если бы я был бабником наподобие Стаса, я бы гарантированно за ней приударил. Seriously, seriously! Во-вторых, она очень искренняя. Сначала и я сомневался – не фальшивит ли, выгораживая своего брата? Но потом понял – она говорит правду. Во всяком случае, в той части, какую знает сама. Вот поэтому я и решил проверить, насколько верно она оценивает ситуацию, насколько объективной информацией располагает. А вдруг и в самом деле ее брат стал жертвой чьей-то подлости? Согласитесь, спасти невинного от тюрьмы не менее важно, чем уличить виновного и посадить.

Орлов снова побарабанил пальцами по столу. Правда, теперь уже не столь резко и отрывисто, как пару минут назад.

– Логично излагаешь... – отметил он. – Ну давай, товарищ донкихот, атакуй наши коррупционные ветряные мельницы. Надеюсь, эта игра стоит свеч.

Станислав чуть слышно просвистел что-то заунывно-меланхоличное и удрученно посмотрел на Льва:

– Ну, и что мне теперь? Ехать на рыбалку одному?

– Почему одному? Созвонись с нашим общим другом Вольновым. Может, он составит тебе компанию, – пожав плечами, посоветовал тот.

– Ага! Его попробуй застань в Москве! А если он и здесь, то, скорее всего, с головой в работе... – доставая телефон, проворчал Крячко.

Набрав номер их общего приятеля, полковника ФСБ Вольнова, он поздоровался и, чередуя слова с бесконечными междометиями, предложил тому съездить на рыбалку. Как видно, Вольнов эту идею поддержал, поскольку Стас, уточнив время отбытия, сунул телефон в карман, многозначительно подмигнул Гурову:

– Как ни странно, но сегодня он свободен. Отлично! Все, мы отбываем на Струговское. Я домой за снастями... Всем привет! – и направился к выходу.

Вместе с ним из кабинета вышел и Гуров. Они шли по коридору, продолжая спорить о том, насколько и кто из них обоих прав. Неожиданно Крячко издал удивленное «Ух ты-ы-ы!» и указал взглядом на девушку, стоящую у двери их кабинета.

– А-а-а, это та самая Ирина Вологодцева, – невозмутимо пояснил Лев, с трудом сдерживая улыбку. – Сейчас она напишет заявление, и я начну официальную проверку происшедшего с ее братом.

– Тво-ю ди-ви-зи-ю! – с расстановкой обронил Стас. – И какого хрена расперло меня на эту долбаную рыбалку?! Вот дурак-то! Она замужем?

– Без пяти минут, – вполголоса поспешил разочаровать его Гуров. – Ну, я же только что об этом говорил – скоро свадьба. Что, впечатлила? А-а-а... Согласись, неслучайно некто Гаджи через своего шестерку Леху попытался прибрать ее к рукам.

– У этого козла губа не дура! – чуть слышно буркнул Крячко и, подойдя к девушке, приветливо улыбнулся: – Вы к нам?

– Да, Лев Иванович сказал, чтобы утром я подошла в этот офис. – Ирина тоже улыбнулась, но несколько вымученно. По ее лицу было заметно, что этой ночью она спала неважно.

Они вошли в кабинет, и Гуров, усадив девушку на свое место, положил перед ней несколько листов писчей бумаги. Благодарно кивнув, Ирина начала писать заявление. Станислав, с озабоченностью на лице, для чего-то принялся рыться в ящике своего стола, временами поглядывая в сторону гостьи и спиной ощущая ироничный взгляд Льва. В этот момент зазвонил его сотовый. Это был Александр Вольнов. Он сообщил, что уже готов, ждет прибытия Стаса. Изобразив кислую радость отбытия на рыбалку, Крячко скрылся за дверью.

Положив заявление Ирины в скоросшиватель, Гуров попросил ее написать подробный адрес местожительства Бориса, адрес его НИИ, клиники, где он сейчас лежит, контактный телефон следователя, ведущего его дело, имена, адреса и телефоны знакомых и друзей Вологодцева и многое другое. Покончив с бумажными делами, он и его гостья еще раз обсудили текущую ситуацию и возможные варианты развития событий.

Первый свой визит Гуров решил нанести в клинику. Нужно было срочно обеспечить безопасность находящегося там Вологодцева. Судя по рвению следователя, тот решил на своем подследственном сделать себе громкое имя и заработать нехилый карьерный рост. И ради этого, как видно, готов был использовать не самые достойные приемы. В чем-то даже карательные. Ирина предложила проводить Льва в клинику, и он согласился.

Они прибыли в больницу, находящуюся на улице Первухинской, около десяти утра. Пройдя через проходную, Гуров и его спутница направились к корпусу терапии, где на втором этаже в изоляторе и находился Борис Вологодцев. Дежурная медсестра в холле отделения вначале категорически запротестовала, объявив, что в данный момент в крыло здания, где и находится изолятор, доступ запрещен, однако главковское удостоверение в один момент убедило ее в обратном. Она даже нашла для гостей два белых халата. Правда, одного размера, из-за чего Гурову его халат был маловат, а Ирине, наоборот, слишком велик. Визитеры поднялись по лестнице на второй этаж и, свернув вправо, зашагали по больничному коридору, сопровождаемые любопытными взглядами пациентов и медперсонала.

У двери изолятора они увидели полицейского сержанта, который выжидающе смотрел в их сторону. Подойдя к двери, Лев достал из кармана удостоверение и показал охраннику. Сержант, пробежав глазами, несколько подтянулся, но уведомил, что очень сожалеет, однако «товарища полковника» в палату допустить не может. По его словам, там сейчас находится следователь, который приказал никого не впускать. Окинув его изучающим взглядом, Гуров жестко произнес:

– Молодой человек, здесь сейчас команду я. Это ясно? Вот так-то!

Движением руки отодвинув сержанта в сторону и лаконичным жестом приказав ему молчать, он открыл дверь и бесшумно шагнул в изолятор. Ему в глаза сразу же бросилась обтянутая пиджаком спина человека в обычном штатском костюме, который, склонившись над больничной кроватью, настырно даже не убеждал, а приказывал:

– Подписывай, подписывай, Вологодцев! Чего упираешься? Ладно уж, давай так... Кроме этого эпизода, вешать тебе больше ничего не буду. Но что касается падчерицы – даже не мечтай отвертеться! У меня и не такие кололись!..

Внезапно ощутив присутствие посторонних, он резко выпрямился и оглянулся. Увидев рослого крепкого мужчину со строгим взглядом, тоже в штатском костюме, следовательно на несколько мгновений растерялся, утратив дар речи. Но, быстро найдясь, изобразил суровую надменность и с вызовом в голосе громко спросил:

– Вы кто такой и что здесь делаете? Вас кто сюда впустил? Охрана! Немедленно вывести отсюда этого гражданина – он мешает следственным действиям!

Выглянувший из-за двери сержант с гримасой безнадёги молча развел руками и, указывая следователю взглядом на Льва, торопливо постучал себя по плечу указательным пальцем, давая понять, что чин пожаловал высокий и «колотить понты» сейчас – себе только в убыток. Но следака, как видно, имевшего хорошую начальственную «крышу», эта жестикуляция не впечатлила, и он вновь проорал:

– Так я услышу или нет, кто это тут входит без разрешения?!

Гость в ответ лишь негромко рассмеялся, покачал головой и ответил удивительно знакомым голосом:

– Так ты, значит, следаком заделался, Викторин Друшмалло? Из городской прокуратуры сам ушел или выперли за несоответствие? Теперь в районной баламутишь? Хотя, по мне, ты нигде и никогда ничему не соответствовал и соответствовать не можешь по определению. Я же хорошо помню, как ты лет пять назад развалил дело в отношении хозяина сети казино, некоего Мигуна, обвинявшегося в убийстве своей жены...

Захлопав ртом, разом раскисший и утративший весь свой кураж следак попытался огрызнуться:

– Что за бред вы несете?! Почему это я развалил? Просто нашел оправдывающие обстоятельства, что позволило суду избежать обожаемого в вашем главке обвинительного уклона и признать обвинения в отношении уважаемого человека бездоказательными.

– Ну да, ну да! Оправдывающие обстоятельства ты нашел, а вот главные улики «потерял». Да еще и вместе с совестью! – уничтожающе бросил Гуров. – Как там у вас говорили прокурорские остряки? Коли дело взял Друшмалло, так оно пиши пропалло...

– Господин Гуров! – Следователь наконец-то вспомнил своего оппонента. – Давайте без перехода на личности и оскорбления! Теперь, надо понимать, вы пришли сюда, чтобы развалить дело педофила Вологодцева?

Лев, в упор рассматривая Друшмалло, отрицательно качнул головой:

– Нет, сюда я пришел для того, чтобы защитить закон от некоторых его «блюстителей». А закон здесь явно попирается. И, прямо скажем, беспардонно. Кстати, чтобы это понять, мне достаточно было всего лишь один раз взглянуть на происходящее в этой палате. И я вижу, сколь «профессионально» расследуется дело о покушении на ребенка. Что, Викторин, решил туло дожать заранее назначенного подозреваемым?

Следователь вновь попытался возразить, но, как видно, слов не нашел – в его судорожно дернувшимся горле лишь что-то сдавленно булькнуло.

– И еще... – прожигая его взглядом, сурово продолжил Гуров. – На мой взгляд, есть резон серьезно разобраться, чем продиктована такая дожималовщина – профессиональной некомпетентностью или... или каким-то личным, шкурным интересом? А? Мне хотелось бы знать, есть ли еще, кроме заявления гражданки Свербицкой, какие-то иные доказательства вины подозреваемого?

– Ха! Ну разумеется! – раздувая щеки, ответил следователь. – Э-э-э... Есть результаты собеседования детского психолога с потерпевшей, Наташей Ларидзе, которая полностью подтвердила заявление ее матери! – обрадованно объявил он.

– Кто психолог? Фамилия, адрес, телефон! – потребовал Гуров.

Глаза следователя при этих словах неожиданно забегали перепуганными мышками, а его лицо несколько даже позеленело. Немного помявшись, он известил, что такие данные имеются

в деле, а так-то, в памяти, он их не держит. Но он может точно сказать, что девочка в ходе общения с психологом подтвердила факт сексуальных домогательств со стороны отчима. То бишь Бориса Вологодцева. Заключение специалиста он изучил буква в букву.

– Бессовестное вранье! – донесся слабый голос с больничной кровати. – Сама Наташа этого сказать не могла! Это Стешкины фокусы. Ей нужно от меня избавиться, вот и вся причина...

Лежавший на койке худощавый мужчина с осунувшимся лицом, поросшим трехдневной щетиной, с надеждой во взгляде обернулся к Гурову. Это был взгляд безнадежно тонущего, который вдруг увидел общеизвестную спасительную соломинку.

– Гражданин Вологодцев, сами вы что можете сказать в свое оправдание? – Голос Льва был суховатым и строгим.

– Что могу сказать? – беспомощно пожал плечами Борис. – Ну, только то, что я этого не делал! А-а-а, вот! Пусть мне хотя бы скажут, где и когда именно я покушался на Наташу, при каких обстоятельствах. Ну-у... Пусть проведут, как это называется... М-м-м... следственный эксперимент! Пусть проверят меня на детекторе лжи! Я готов на любую проверку своей невиновности!

Гуров молча измерил взглядом переминающегося с ноги на ногу следака, на лице которого отразилась мученическая гримаса.

– А почему задержанный не проинформирован о предъявленном ему обвинении, на что он имеет полное право? – Слова Гурова тяжелыми, грозowymi тучами повисли во внезапно сгустившейся атмосфере изолятора. – К нему адвокат был допущен?

– Понимаете... Э-э-э... – Теперь следак говорил, спотыкаясь и заикаясь. – Он просьб таких не высказывал. Тем более, он сейчас в больнице... Вот... И-и-и...

– Друшмалло, что за ахинею ты несешь?! Ты что заканчивал? Юридический вуз или кулинарный техникум? – резко оборвал его Лев и спросил, обернувшись к Борису: – Гражданин Вологодцев, вы настаивали на том, чтобы вам был предоставлен адвокат?

– В общем-то, да... – закивал тот, тяжело при этом закашлявшись. – Все произошло так быстро, что я вначале вообще ничего не понял. Это было как какой-то кошмарный сон. Среди бела дня к нам на работу пришли трое мили... то есть полицейских, которые прилюдно зашелкнули на мне наручники, объявив при коллективе, что я обвиняюсь в изнасиловании своей падчерицы. Я пытался пояснить, что это – дикое недоразумение, какой-то нелепый бред... Но меня никто не стал слушать. Меня вытолкали на улицу и привезли в следственный изолятор.

– Когда это произошло? – быстро спросил Гуров.

– Четвертого августа, четыре дня назад. Первые минуты я вообще ничего не понимал. Я стучал в дверь камеры и требовал, чтобы мне объяснили, на основании чего меня заперли в СИЗО. В камеру зашел охранник и сказал, что, если я не прекращу буянить, меня поместят в карцер. Я потребовал адвоката. Он лишь рассмеялся мне в лицо. Потом меня вызвали вот к этому господину, и он сказал, что я должен написать чистосердечное признание. А в чем мне признаваться? Часа два без передышки следователь угрожал мне тюрьмой и всевозможными ужасами тюремного быта...

– Физические меры воздействия им не предпринимались? Ну, в смысле, он вас не бил? – Лев хмуро взглянул на Друшмалло.

Тот, всплеснув руками, издал возмущенно-обиженное «х-ха!...».

– Нет, не бил... – отрицательно качнул головой Вологодцев. – Но прессовал, что называется, от души. Да и здесь от него никакого покоя. Раза по два на дню прибегает, выжимает чистосердечное. Честно говоря, я уже начал подумывать: не уйти ли из этой поганой жизни самому?

– Вас здесь лечат? Какие-то назначения делают? – последовал очередной вопрос Гурова.

– Да как сказать? Ну, что-то там колют... Иногда... – На лице Бориса промелькнула горькая усмешка. – От господина следователя тут уже все знают, что я – серийный педофил. Соответственно, такое ко мне и отношение...

Лев молча покачал головой, после чего непререкаемым тоном объявил:

– Гражданин Вологодцев! Вы пока остаетесь здесь и будете находиться под охраной. Но к вам сегодня же будет допущен адвокат. Второе. Ближайшую неделю вы будете числиться тяжело больным, в связи с чем господин следователь сюда и носа не покажет. А если покажет, то это даст мне основания подозревать, что он сознательно подводит вас к самооговору или суициду. Верно, господин Друшмалло? И последнее. Я сейчас же поговорю с заведующим, чтобы лечили вас как положено, а не абы как да как-нибудь. Выздоровливайте!

Кивком головы он указал следаку на выход. Стоявшая в дверях Ирина, улыбаясь сквозь слезы, вышла вслед за ними, на прощание помахав брату кончиками пальцев. Тронув Гурова за рукав, она с чувством произнесла:

– Лев Иванович! Вы такой человек... Я готова перед вами встать на колени!..

– Вот этого не надо! Даже теоретически, – чуть заметно усмехнулся Лев, – а то бронзоветь начну. Сейчас идите домой и хорошенько отоспитесь за все эти дни. Вам надо отдохнуть. А то ваш морячок, чего доброго, вместо красавицы невесты застанет ходячие мощи...

Когда Ирина, одарив Гурова признательной улыбкой, скрылась в конце коридора, он приглушенно спросил полицейского, который, как видно, несколько забывшись, не отрываясь, глядел ей вслед:

– Что, сержант? Хороша подмосковная дива?

– Гм... Хм... – несколько опешив от его вопроса, смущенно кивнул тот в ответ. – Так точно! Хороша...

– Но ее сердце, увы, уже занято представителем другого ведомства... – Лев сочувственно развел руками. – Казалось бы, велика ли разница между МВД и ВМФ – аббревиатуры-то почти одинаковые. А вот, поди ж ты, морячок увел красавицу у нас из-под носа... Ну да ладно, это все лирика. А теперь – о суровой прозе жизни. Значит, так. Прошу запомнить и передать своим сменщикам: в течение предстоящей недели допуск в эту палату господина Друшмалло категорически запрещен. Тем более что за это время статус подозреваемого может измениться на статус потерпевшего. Да и статус господина Друшмалло может измениться – с обвинителя на обвиняемого.

Кивнув на прощание, Гуров направился в сторону кабинета заведующего отделением, оставив стоящего столбом посреди коридора следака, который являл собой живой символ растерянности и безмолвного испуга.

Главный терапевт оказался молодым энергичным мужчиной спортивного телосложения, правда, с уже несколько оплывшей фигурой и заметно обрисовавшимся брюшком. Уже по тому, как доктор восседал за своим служебным столом, можно было понять, что он чувствует себя «в седле», хозяином отделения и своего положения в жизни.

Ответив на приветствие гостя и величественно предложив ему присесть, доктор, на двери кабинета которого значилось «Зубинцев Олег Аристархович», поинтересовался целью визита «уважаемого господина оперуполномоченного». Выдержав секундную паузу, Лев пояснил, что только что побывал в изоляторе, где находится подозреваемый в совершении преступления Борис Вологодцев, в связи с чем хотел бы узнать, каково состояние его здоровья и насколько полно врачебные назначения соответствуют тяжести заболевания.

– ...Проще говоря, вы его лечите или только соблюдается некая видимая формальность лечения? – уточнил он.

Издав неопределенное «хм-м-м...», хозяин кабинета повертел в руках авторучку и, глядя на гостя исподлобья, задал встречный вопрос, не скрывая ноток неприязни:

– Как можем, насколько это позволяют наши возможности, да, лечим. А чем, простите, обусловлена такая забота главка МВД об этом грязном отморожке?

Откинувшись к спинке стула и положив ногу на ногу, Гуров сочувственно рассмеялся:

– Вы читали сказки Карела Чапека, чешского писателя? У него есть такая «Большая докторская сказка», и там, помнится, говорится примерно так: «...Доктор никому не может отказать в помощи, даже если его позовут к разбойнику либо к самому (прости господи!) Люциферу. Ничего не поделаешь: такое уж это занятие, докторство это самое». Не читали?

Зубинцев, недоуменно поведя головой (охреневший какой-то опер!), недовольно буркнул:

– Нет, не читал...

– Жаль... Этот сказочник очень верно передал смысл клятвы Гиппократу, которую вы в свое время, надо думать, давали... Вам привезли тяжелобольного, и еще не осужденного, а только лишь подозреваемого. А вы уже вынесли свои окончательные оценки и на основании этого строите к нему свое отношение. А вы не допускаете, что человека просто могли оклеветать? Одни – для того, чтобы завладеть его жилплощадью, другие – чтобы сделать себе карьеру... Я так понимаю, это большое для него везение, что он смог выжить в условиях огульного осуждательства и равнодушия.

Встрепенувшись, хозяин кабинета вскинул руки перед собой и протестующе зачастил:

– Ну, ну, ну! Это вы уже – лишнее... Да, у Вологодцева тяжелый инфаркт. Но мы сделали все возможное, чтобы он выжил. Его привезли-то к нам почти в коматозном состоянии. Еще бы четверть часа промедления, и ему бы уже никто не помог. Нет, нет! Все положенное из того, что у нас есть, он получает. И могу с уверенностью сказать, вполне стабильно идет на поправку. Вылечим мы его, вылечим! А то, что отношение к нему не самое радушное – это объяснимо. Нас сразу проинформировали, что в изоляторе содержится особо опасный преступник, совершивший сексуальное насилие над ребенком. Он там под охраной. Что мы должны о нем думать? Кстати, а его что, и в самом деле подставили? – чуть подавшись вперед, уточнил Зубинцев.

– Похоже на то... – Лев задумчиво потер переносицу. – Я еще, может, и сомневался бы, но когда увидел в изоляторе следователя Друшмалло, сразу понял: что-то тут и в самом деле нечисто. Несколько лет назад этот господин засветился на подтасовках в ходе следствия, что помогло убийце уйти от ответственности. У меня к вам просьба: уж подлечите бедолагу как должно, чтобы он не «крякнул» до конца расследования. А то оправдательный приговор, прочитанный над его могилой, будет смотреться как-то не очень позитивно.

– Конечно, конечно... – закивал доктор, как видно, ощутив некоторые угрызения совести после только что услышанного. – Мы сделаем все возможное, можете не сомневаться.

Уже уходя, Гуров обмолвился, что не знает, где ему найти того детского психолога, что беседовал с якобы потерпевшей Наташей Ларидзе.

– А-а! Так это, наверно, спец из недавно открывшегося ЦДП – Центра детской психологии, который от большого ума кто-то назвал «Зорька ясная», – сообщил Зубинцев.

По его словам, месяца три назад где-то в Замоскворечье открылся офис этого Центра. Штат его не очень большой, но в столичных медицинских и правовых кругах он уже успел набрать солидный вес, как очень авторитетное и профессиональное заведение в своей сфере деятельности. Работают там исключительно выпускники престижных западных университетов.

Как явствует из довольно скудных сообщений СМИ, ЦДП открылся и функционирует на гранты зарубежных спонсоров, в частности Джорджа Сороса. Трудно сказать почему, но этому Центру на уровне Минздрава и Минюста кто-то очень сильно благоволит, поскольку на сегодня именно этот ЦДП в плане вынесения экспертных оценок по тем или иным вопросам, связанным с детской психологией, стал настоящим монополистом. Именно заключение

его специалистов становится решающим, например, при рассмотрении судебных дел, связанных с насилием над детьми.

Поблагодарив за интересную информацию, Лев вышел из здания и, набрав номер Жаворонкова, поручил ему набрать максимум сведений о ЦДП «Зорька ясная». Сев в свой не единожды испытанный временем и дорогами «Пежо», он отыскал в памяти домашний адрес Бориса Вологодцева и, запустив мотор, направился в Мневники на улицу Стрелецкую, чтобы пообщаться со Стефанией Свербицкой и, по возможности, опросить ее соседей.

Глава 3

К Стефании у Гурова после посещения больницы возникло много вопросов. Например, об обстоятельствах, при которых она, по ее утверждению, застала своего мужа в тот момент, когда он пытался совершить нечто нравственно недопустимое и уголовно наказуемое. Интересовало и многое другое. В частности, проведение психологической экспертизы состояния ребенка тоже вызывало немало вопросов.

Завернув по пути в одну из кафешек типа бистро – время уже приближалось к обеду, – вскоре Лев рулил по одной из немногочисленных столичных улиц. Она была застроена девятиэтажками времен семидесятых и изобиловала зеленью деревьев, тянувшихся шеренгами вдоль тротуаров. Остановившись недалеко от дома номер тридцать, он прикинул, в каком именно подъезде может быть квартира семьдесят девять.

Конечно, было бы здорово, если бы у этого подъезда на лавочке тусовался традиционный консилиум местных пенсионерок – лучшего источника информации и не придумаешь. Но на лавочках, увы, почему-то было пусто, бронедвери подъездов неприступными твердынями охраняли покой их обитателей, даже случайные прохожие проходили мимо дома лишь время от времени. Впустить его было некому, поэтому Гуров решил, не мудрствуя лукаво, воспользоваться обычной процедурой. Подойдя к домофону, он набрал номер семьдесят девять и после пятого или шестого гудка услышал женский голос:

– Кто там?

В течение доли секунды составив по интонации и тембру голоса, по заложенным в него оттенкам эмоций мысленное представление о характере откликнувшейся ему особы, он деловито и даже сухо представился:

– Старший оперуполномоченный Главного управления угрозыска Гуров. Я хотел бы побеседовать с госпожой Свербицкой, задать несколько вопросов в рамках расследования уголовного дела Бориса Вологодцева.

После сказанного им на некоторое время установилось растерянное молчание.

– Так, а-а-а... Мое заявление лежит в прокуратуре, мой пока еще муж сейчас в СИЗО. М-м-м... А при чем тут полиция? – явно выйдя из внутреннего равновесия, спросила Стефания с уже заметным раздражением.

– Как это – при чем? – размеренным голосом отчеканил Лев. – Ни одно уголовное расследование не может пройти мимо нашей конторы, на то мы и уголовный розыск. Нет, если вы не можете пообщаться со мной сейчас, то я могу прислать вам повестку. Как на это смотрите? – Уже и не рассчитывая на то, что его впустят, он, тем не менее, продолжал нажимать на металл в голосе.

И это подействовало.

– Ну-у... Заходите, – неохотно пригласила его собеседница. – Моя квартира на третьем этаже.

Закурлыкал электронный замок, и Гуров ступил в подъезд. Когда он поднялся наверх по гулкой безлюдной лестнице, из-за двери семьдесят девятой квартиры выглянула ее хозяйка – яркая брюнетка с хорошеньким личиком, но не очень приятным (как назвал бы Стас – «гадючьим») взглядом больших, красиво очерченных глаз. С плохо скрытой тревогой вглядываясь в незнакомца, Стефания внимательно изучила его служебное удостоверение и наконец пригласила войти.

Судя по прихожей, выглядевшей весьма не бедно, можно было сделать вывод, что проживающие здесь люди особой нужды не испытывают. Лев прошел в гостиную и окинул взглядом большую, хорошо обставленную комнату с фасонистыми шкафами, в которых за стеклом красовалась дорогая посуда, эксклюзивной люстрой, роскошным столом и не менее роскошными

мягкими стульями (прямо-таки копия тех гамбсовских полукресел с сокровищами, которые искали Остап Бендер и Киса Воробьянинов).

Если заявление на Бориса и в самом деле полная лажа, то эта баба просто с жиру бесится, подумал Лев. Если она нигде не работает, если живет за счет мужа, то все эти излишества роскоши – его прямая заслуга. Значит, он один все это заработал, все купил, не исключено даже, по капризу этой своей зажавшейся бонвиванки. А если бы ее мечта осуществилась и он вдруг действительно сгинул бы в тюрьме, кто бы тогда оплачивал ее нынешнее безбедное разгульное житье? Любовник? Да какой идиот польстится на эту хронически озлобленную коблочку?!

Еще он обратил внимание на большой, писанный маслом пейзаж на малороссийские темы – с подсолнухами, хатами, крытыми соломой, с вербами над речкой и молодой парой в рубашках-вышиванках. Чем-то лицо «гарного хлопца», обнимавшего за плечо «красну дивчину» в роскошном венке из синих и желтых цветов, ему показалось знакомым. Еще раз взглядевшись в черты худого, нервического лица с глубоко посаженными глазами недолеченного шизофреника, Гуров понял, что это – не кто иной, как Степан Бандера. «Видимо, это не просто память о «ридной Львовщине», – мысленно отметил он. – Это, скорее, символ личных убеждений...»

По приглашению Стефании он опустился на один из стульев, сама она села через стол напротив. Достав и прикурив тонкую сигарету, женщина выжидающе взглянула на гостя и манерно произнесла:

– Слушаю...

Кивнув, Лев попросил рассказать о событиях, которые и стали поводом написать заявление на Бориса Вологодцева. Стефания, пустив дым кольцами, с подозрительностью во взгляде тут же пожелала уточнить: а для чего это нужно?

– Все поминутно я изложила следователю, он записал... В связи с чем появилась необходимость вновь обсуждать то, что уже обсуждалось ранее? – стряхивая пепел, поинтересовалась она.

– В связи с тем, что доказательная база виновности Вологодцева не очень надежна и на суде это дело может развалиться, решено все факты отработать еще раз. Преступник не должен уйти от наказания. – Гуров говорил в нарочито многозначительной выпендренной манере, давая понять своей собеседнице, что он скорее ее союзник, нежели оппонент.

Это сработало, и Стефания, попыхивая дымком сигареты, рассказала, что неделю назад она была на выставке современного искусства, где обсуждала с известным художником-неопетрогонистом Факеем Сольби его новый шедевр – «Камень у водопада».

– Вы эту работу еще не видели? Напрасно! Много потеряли... – Свербицкая восхищенно скривила ярко накрашенные губы. – Советую хотя бы раз увидеть это бесподобное творение.

Лев пообещал, что обязательно восполнит досадный пробел в своем культурологическом кругозоре, мысленно резюмировав, что нет на свете большего идиотизма и уродливой бездарности, чем это самое «современное искусство». Ну, а его собеседница, уточнив, что вернулась домой ровно в четырнадцать тридцать, перешла к увиденному в квартире, изобразив при этом беспредельное возмущение.

По ее словам, еще в прихожей она услышала приглушенные голоса Бориса и Наташи, которые доносились из спальни. Даже не подумав о том, что это может значить на самом деле, она без «задней мысли» заглянула в спальню, а там!.. Увиденное Стефанию потрясло до глубины души, и она едва не упала в обморок. Борис, вскочив с постели, поспешил одеться и стал уверять ее в том, что это – совсем не то, что она подумала.

– И вы тут же заявили о случившемся в правоохранительные органы? – утвердительно спросил Гуров.

Его собеседница досадливо скривилась, жестко вдавив окурок в пепельницу:

– Понимаете, тут не все так просто. Прожив с человеком не так уж и мало времени – все-таки пять лет! – я... Я пожалела его и не стала давать письменного заявления, хотя пошла в прокуратуру и там обсудила этот вопрос. А зря! Через три дня, придя вечером от подруги, я увидела Вологодцева сидящим перед телевизором с Наташей на коленях... Сами можете догадаться, чем в этот момент занимались его руки. Я была в ярости и тогда уже без колебаний написала заявление в прокуратуру. Утром отнесла его, а днем мне сообщили, что Вологодцев задержан у себя на работе и дает признательные показания.

– А кто именно вам сообщил о задержании Вологодцева? – поинтересовался Лев совершенно нейтральным тоном.

– Викторин... М-м-м... То есть следователь Викторин Друшмалло, – поспешила поправиться Стефания.

Отвечая на вопрос Гурова о психологической экспертизе, его собеседница оценила работу сотрудницы Центра детской психологии Маргариты Кушнаркиной в самых радужных тонах. По ее мнению, Маргарита – профессионал экстра-класса (сразу видна передовая западная научная школа!). Она в момент установила с Наташей психологический контакт, и девочка охотно рассказала ей о случившемся. Маргарита сумела освободить ребенка от тягостных воспоминаний, и в данный момент с Наташей все в полном порядке.

– Маргарита с девочкой работала здесь или у себя в Центре?

– Здесь. По ее мнению, привычная домашняя обстановка в наилучшей мере способствует восстановлению психологического равновесия ребенка, – попыхивая сигаретой, вальяжно повествовала хозяйка квартиры.

– А Наташа сейчас где?

– В оздоровительном пансионате для детей, переживших психологический шок, – отчего-то вдруг занервничала Свербицкая. – Он тоже находится под патронатом «Зорьки ясной». Ей там очень хорошо и спокойно.

Подытоживая разговор, Лев как бы невзначай обронил:

– Будьте готовы к тому, что на суде могут выяснять всевозможные, самые неудобоназываемые детали того происшествия. Например! Вы сказали, что, войдя в прихожую, услышали голоса Бориса и Наташи. Сразу может быть задан вопрос: а каков был характер услышанного? Наташа просила оставить ее в покое, звала на помощь, говорила что-то еще? Борис, он что, угрожал ей расправой, уговаривал согласиться на его притязания, пытался подкупить какими-то посулами?

Его слова Стефанию, как это можно было понять, и озадачили, и огорошили. Она отчего-то сразу же задумалась, нахмутив лоб и потирая виски.

– А если обвиняемый не согласится с результатами расследования, то он может потребовать личных показаний Наташи. – Гуров говорил как бы даже сочувственным тоном. – Разумеется, в зал судебных заседаний ребенка не приведут ни в коем случае, хотя суд и будет проходить в закрытом режиме. Но возможен иной вариант. Например, собеседование с Наташей адвокатов в присутствии вас и детского психолога в отдельном, специально выделенном для этого помещении. И если адвокат обвиняемого вдруг уловит расхождения того, что запротоколировано в деле, с тем, что скажет Наташа, дело может затрещать по швам.

Последнее замечание окончательно повергло Свербицкую в досадливый пессимизм. Судя по ее напряженному виду, она вдруг задумалась о том, что, казалось бы, очевидное, по сути выигрышное дело внезапно обратилось в клубок трудноразрешимых проблем.

В ее глазах читалось: «Вот это новости! Неужели все так хреново обстоит?! Что-то нужно срочно предпринять. И этот опер запросто может оказаться полезным. Ну-ка, ну-ка, поглядим, насколько ты суровый...»

Неожиданно просияв обаятельной улыбкой, Стефания интригующим, приглушенным голосом почти промурлыкала:

– Лев Иванович, а вы очень спешите? Может быть, выпьем чайку? А? Приготовлю мигом. Ну, соглашайтесь, соглашайтесь! У меня чудесный цейлонский чай...

Пожав плечами, Лев изъявил согласие, вроде того, что – да, не худо бы немного и почаевничать... Еще раз просияв многообещающей улыбкой, Стефания поспешила на кухню, интригуя покачивая точеными бедрами. Почти сразу же следом за ней бесшумно проследовал и Гуров. Стоя за шторой, он незаметно наблюдал за манипуляциями хозяйки квартиры. Вот она наливает чай и заварку, вот режет лимон, вот... А это что?! Неуловимым движением, достав из складок одежды какой-то крохотный флакончик, Свербицкая вытряхнула его содержимое в одну из чашек. Ничего себе чаепитие!

Быстро вернувшись на прежнее место, Лев достал из кармана свой сотовый и, прижав его к уху, громко заговорил:

– Да, да, я слушаю! Что? Убийство? Эх, как же не вовремя-то! А кого завалили? О-о-о! Это серьезно! Выезжаю немедленно!

На глазах Стефании, вышедшей из кухни с уставленным подносом, он сунул телефон в карман и огорченно развел руками, шагнув в прихожую:

– Очень жаль! Надо бежать – только что убили крупного коммерсанта. Извините, Стефания, почаевничаем как-нибудь в следующий раз.

На лице его собеседницы отразилась досада. От приветливости на лице не осталось и следа. Чувствовалось, что она сейчас чрезвычайно встревожена и готова пойти на самые неожиданные, неординарные шаги. Спускаясь по лестнице, Гуров размышлял о том, чем же именно собиралась «попотчевать» его Свербицкая. Ядом? Безусловно, нет. Снотворным? Тоже, скорее всего, «мимо цели». А вот какой-то сильный афродизиак – это запросто. И причины тому более чем веские.

Вон как она переполошилась, когда он как бы невзначай подбросил ей «информацию к размышлению» о возможных осложнениях в ходе будущего судебного заседания. Сразу сообразила, что обвинение, повешенное на Вологодцева, и в самом деле рискует обратиться в пшик, если в дело ввяжется такой дока, как Гуров. Значит, его надо сделать своим сообщником или хотя бы нейтрализовать. А как этого может добиться женщина подобного пошиба? Правильно – постарается поймать его на воспетую в шпионских романах «медовую ловушку» своего тела, чтобы потом заставить «плясать» именно так, как ей это выгодно.

«Уж не таким ли способом эта мадам заставила Друшмалло пойти на махинации с уголовным делом по Вологодцеву? Как ни верти, а очень похоже на то, что с незапланированным сексом он вляпался по полной. Увяз коготок – всей птичке пропасть...»

А попасть в эту самую ловушку Викторин мог при похожих обстоятельствах. Можно предположить, что и ему Свербицкая тоже предложила выпить чайку, подсыпав порошочек с особыми свойствами. При работающей скрытой видеокамере легла под следака, и – все! Он у нее на крючке. Возможно, вначале Друшмалло даже попробовал рыпнуться – при его гоноре и самолюбии это вполне вероятно. Но Стефания, надо думать, особа с крепкой хваткой, она его быстро «призвала к порядку».

Но сегодня у нее серьезный облом. То-то она так переживала, что ей не достался очередной «трофей». Похоже, сейчас ее колбасит и пучит из-за того, что внезапно возникла угроза очень большого риска профукать задуманную аферу и остаться у разбитого корыта. Поэтому она, скорее всего, в ближайшее время захочет встретиться с Викториним. «Ну что ж... Подождем!..» – мысленно заключил Гуров, по пути к машине присматриваясь, где легче спрятаться, чтобы оттуда видеть фасад дома.

Он запустил двигатель «Пежо» и, лихо тронув машину с места (надо же изобразить спешное отбытие по неотложному делу!), скрылся за углом. Вырулив к обширным зарослям сирени, Лев остановился за стеной кустарника и заглушил двигатель. Здесь его машину со стороны дома едва ли кто мог бы заметить, тогда как он здешнюю стихийную парковку видел как на

ладони. Как он и предполагал, Стефания долго ждать себя не заставила. Вскоре она появилась в сером спортивном костюме, почти не похожая на себя домашнюю – в дорогом красивом фиолетовом халате из натурального китайского шелка. Сев в белый «Ниссан», Свербицкая резко рванула с места, куда-то очень спеша.

За ней тут же помчался серый «Пежо», умело маскируясь в потоке машин. Эта «гонка с преследованием» заняла не более четверти часа. Свернув в очередной раз, «связка» авто «Ниссан» – «Пежо» помчалась по улице Кленовой. Здесь транспорта было поменьше, поэтому дистанцию Льву пришлось увеличить. Для него оставалось загадкой – куда же это сорвалась коварная Стефания? Подумывалось о том, что, вероятнее всего, поедет она к Друшмалло. Хотя... Не исключался вариант и ее поездки к Наташе, которая – можно было смело полагать – на самом деле находится не в спецпансионате, а на квартире у какой-то из подруг.

Остановившись у дома тринадцать и, припарковавшись, Свербицкая опростелась выскочила из салона и чуть ли не бегом поспешила к подъезду, на ходу пикнув охранной сигнализацией. «Здорово же ее растрепало, как выражался наш участковый дядя Гоша! – подумал Лев, припарковавшись за здоровенной слоноподобной «Тойотой» эксклюзивной модели. – Ишь, как помчалась! Ну-ка, выясним домашний адресочек следака Друшмалло, чтобы уж не сомневаться, кто в теремочке тут живет...»

Он созвонился с Жаворонковым, и уже через пару минут тот сообщил, что Викторин Друшмалло проживает на улице Железнодорожной, дом пятьдесят один. Это значило, что Стефания приехала не к следователю. Нескончаемо долго потянулись минуты. Чтобы немного размяться, Гуров вышел из машины и стал прохаживаться вдоль тополей, растущих у тротуара. Минут пятнадцать спустя с чрезвычайно озабоченным видом из подъезда вышла Свербицкая и зашагала к своему «Ниссану». Она уже не спешила, но в каждом ее движении чувствовались досада и злость. Неожиданно на втором этаже распахнулось окно, и девочка лет десяти, высунувшись наружу, требовательно окликнула:

– Мама! А где папа Боря? Я хочу увидеть папу Борю!

Стефания дернулась, как от удара палкой, и, резко обернувшись, жестко отчеканила:

– Папа сейчас в больнице. Он приехать не может.

– Тогда повези меня к нему! Я хочу к папе Боре! – уже со слезой в голосе закричала девочка.

– Римма, убери Наташку от окна! – раздраженно потребовала Свербицкая. – Где ты там?! Живо! Живо!

– Да, да, я сейчас! – донесся чей-то голос, и кто-то затащил девочку внутрь, со стуком захлопнув створку.

Но на улицу и через закрытое окно все равно доносился протестующий плач Наташи. Запомнив расположение окна, Лев поспешил к своей машине. Запустив двигатель, он снова помчался за Стефанией. А та, скорее всего, пребывая в весьма сумбурном состоянии, гнала как на пожар. Вылетая с Кленовой, едва не устроила ДТП, проскочив перед самым носом белого фургона «Скорой помощи». Суматошно летя от перекрестка к перекрестку, она направлялась – теперь это было совершенно очевидно – в сторону улицы Железнодорожной.

«Не, ну ты глянь, как прет! – словно привязанный следуя за ней, мысленно отметил Лев. – Иному лихачу на зависть. Сто против одного, что она едет к Друшмалло, чтобы по сильнее его напрячь... Она запаниковала – и это определенно, а потому запросто может пойти на какие-то крайности».

Его предположение оказалось верным. Минут через двадцать белый «Ниссан» остановился у одного из подъездов дома пятьдесят один – ультрасовременного дома-башни, с обилием всевозможных архитектурных выкрутасов. Выйдя из машины, Свербицкая набрала на своем сотовом чей-то номер и поднесла его к уху. Быстро о чем-то переговорив со своим собеседником – даже с полусотни метров было видно, что говорила она с ним довольно жестко,

в требовательных, почти приказных тонах, – женщина направилась к ближайшему мини-скверу с несколькими садовыми скамейками.

Минуты через три в двери подъезда показался Викторин Друшмалло. Хмурясь и кривясь, он шел угловато и сутуло, как бык, которого ведут на бойню. Подойдя к Стефании, он сел на некотором отдалении от нее и что-то спросил. Гуров немного опустил стекло дверцы и стал снимать их разговор на свой сотовый с максимальным увеличением. У информанционщиков главка был хороший спец, который мог читать по движениям губ.

Но даже не владея этой методикой, о содержании разговора можно было понять по жестике и мимике собеседников. Вот Стефания выдвигает ему какие-то претензии. Друшмалло что-то пространно излагает в свое оправдание, но с миной саркастичного недоумения. Не дослушав его, Свербицкая что-то ему втолковывает, как бы говоря о своих сомнениях, при этом не сводя с него колючего немигающего взгляда, чуть пригнувшись, словно кобра, изготавившаяся к броску. На это следовательно реагирует сокрушенными движениями головы из стороны в сторону и в чем-то ее усердно заверяет. Потом что-то ей напоминает, назидательно мотая указательным пальцем. Она отвечает, недовольно кривя рот и хмуря лоб. С обреченной усмешкой Друшмалло проводит по лицу руками, рассуждая о каких-то своих опасениях. На это Стефания с презрительным выражением лица что-то ему приказывает. Следовательно, потрясая руками, пытается ее в чем-то уверить.

Их разговор, длившийся не менее десяти минут, завершается каким-то предельно категоричным спичем Стефании, который она произнесла в ультимативно-приказном тоне, жестикулируя крепко сжатым, хотя с виду и хрупким, но, как видно, железным кулачком. Сразу же после этого она резко поднимается со скамейки и идет к своему авто, бросив на ходу что-то злое и угрожающее. С гримасой тоскливой досады Друшмалло уныло шагает к своему подъезду...

Наблюдавший за ними Гуров сделал однозначный вывод – ситуация складывается очень непростая и нуждается в постоянном и жестком контроле. Он вновь последовал за белым «Ниссаном», продолжая размышлять о том, что Свербицкая, как он и предполагал, «пошла вразнос» и теперь вполне может с избытком натворить всякого такого, что ни в какие ворота не полезет. Он набрал номер Орлова и, услышав голос генерала, очень сжато попросил немедленно установить прослушивание телефона Стефании Свербицкой.

– Чую, баба не из тех, что склонны к сантиментам, – пояснил Лев. – Злыдня, каких поискать. И вот еще что... Надо бы переориентировать охрану изолятора, где содержится Вологодцев – изменить им суть задачи. В общем, пусть они охраняют его не в том смысле, чтобы он не сбежал, а чтобы его не грохнули.

– Даже так?! – подивился услышанному Петр. – Это что же получается? Банальное происшествие с покушением на ребенка перерастает в какую-то мутную многоходовку с совсем иной подоплекой? О как! Слушай, Лева, а не обнаружится ли однажды, что обвиняемый-то на самом деле не злодей-растлитель, а жертва оговора и хитрой махинации?

– Вот именно! – подтвердил Лев, продолжая следить за «Ниссаном». – Я уже почти уверен, что никакой попытки насилия или растления не было и в помине, а заявление Свербицкой – хитрый способ избавиться от мужа и завладеть квартирой.

– А что же следовательно? Он что, слепой?! – возмутился Орлов.

– Он не слепой. Он... Ну да ладно, об этом – когда подъеду в главк. А то вон гаишники стоят, а я болтаю по сотовому. Не хочется лишний раз размахивать своей «корочкой».

Сунув телефон в карман, Гуров прибавил ходу, чтобы не потерять «Ниссан» Стефании из виду, поскольку невдалеке от него появился точно такой же и перепутать их, погнавшись не за тем, было проще простого. Вскоре Свербицкая сделала остановку у бутика, откуда вышла с фирменной корзиной для покупок. Немного погодя завернула к крупному гастроному, где набрала продуктов, после чего направилась к себе домой. Сразу же от перекрестка у Стрелец-

кой – прямо до ее дома провожать свою «подопечную» Лев смысла не видел – он вновь отправился на Кленовую.

Время приближалось к четырем, и разгулявшееся солнце уже успело высушить улицы от остатков утреннего ливня. Подрулив к Кленовой, тринадцать, Гуров подошел к четвертому подъезду. Он прикинул предполагаемый номер квартиры Риммы и набрал его на пульте домофона. Раздались ноющие гудки, после чего в коробке устройства раздался щелчок и женский голос недоуменно спросил:

– А-а... Кто там?

– Здравствуйте! Мне нужна Римма.

– Я вас слушаю... – В голосе зазвучали растерянность и даже легкий испуг.

– Я – полковник Гуров, Главное управление угрозыска. Мне нужно задать вам несколько вопросов.

– Хорошо... Я к вам сейчас спущусь... – немного помолчав, как видно, все еще продолжая сомневаться, согласилась та.

– И возьмите с собой Наташу, – попросил Лев. – У меня к ней тоже есть пара вопросов.

– Наташу?! – удивилась его заочная собеседница. – Не-е-е-т! Наташу, в отсутствие ее матери, без детского психолога никто ни о чем расспрашивать не будет! Это противоречит закону!

– А принудительное удерживание чужого ребенка на своей жилплощади, который кричал и плакал так, что было слышно даже на улице, – это по закону? Римма, Стефания затеяла какую-то опасную аферу. Вы не задумывались, что можете оказаться ее соучастницей, пусть даже и невольной, но тем не менее в любом случае рискуете понести за это уголовную ответственность? – Голос Гурова звучал спокойно и даже нейтрально, однако Римма испугалась не на шутку.

– Хорошо, хорошо, поднимайтесь ко мне. Поговорим лучше здесь... – поспешно согласилась она.

Лев поднялся на второй этаж и увидел у раскрытой двери одной из квартир худощавую женщину лет сорока. В старинных романах о таких было принято говорить «с остатками бывлой красоты». Держа на руках большую пушистую кошку, та встревоженно взидала на незваного гостя. «Похоже, из старых дев, – сразу же определил Лев, доставая и показывая ей свое удостоверение. – Наверняка работает библиотекарем, Свербицкую, скорее всего, побаивается и страшно ей завидует».

Они прошли в скромно обставленную квартиру, вдоль стен которой стояли плотно набитые книжные шкафы – плод многолетних усилий яркой библиофилки. По комнате расхаживало еще с полдюжины кошек. На уже выдавшем виды диване с одной из питомиц хозяйки квартиры сидела та самая девочка, которую Гуров видел в окне. Она гладила полосатую кошку и меланхолично смотрела на незнакомого дядю. Улыбнувшись, Лев поздоровался и спросил, как она себя чувствует.

– Хорошо... – с безразличием ко всему сущему ответила Наташа.

На вопрос, нравится ли ей здесь жить и давно ли она находится у тети Риммы, девочка все так же, без намека на эмоции, ответила, что здесь она уже четыре дня, а по маме скучает совсем немножко. Лишь вопрос о кошках несколько пробудил на лице Наташи хоть какие-то эмоции. Девочка охотно рассказала, что полосатую кошку зовут Алисой. По ее словам, эта кошка самая дружелюбная, и ей нравится, когда ее гладят. А еще есть кошки – Нюрка, Дуська, Мэри и другие...

– А своего папу Борю ты хотела бы увидеть? – присаживаясь на стул, неожиданно спросил Гуров.

Лицо девочки просияло, и она энергично закивала головой:

– Да, очень хочу! А вы его знаете? Вы его видели?

– Да, видел сегодня утром. – Разговаривая с Наташей, краем глаза Лев отметил кислую, недовольную гримасу на лице Риммы. – Он сейчас в больнице, но доктора говорят, что он скоро выздоровеет и его выпишут.

– А мне к нему можно поехать? – с надеждой во взгляде спросила Наташа.

– Знаешь, очень скоро он сам к тебе придет – это я тебе обещаю! – Гуров подкрепил слова убедительным жестом руки.

– Наташенька, пойдешь, пожалуйста, на кухню, включи там чайник. Льва Ивановича мы сейчас угостим чаем. Хорошо? – неожиданно проговорила Римма.

Ссадив кошку с рук, девочка вприпрыжку побежала к комнате рядом с прихожей. Теперь в ней не было заметно и тени уныния и меланхолии. Когда она скрылась за дверью кухни, Римма укоризненно взглянула на Гурова и, прижимая руки к груди, вполголоса произнесла:

– Лев Иванович, ну как можно давать ребенку невыполнимые обещания?! Вы представляете ее состояние, когда она поймет, что ее обманули и обожаемый ею папа Боря к ней не придет?

– С чего это вы взяли, что я даю невыполнимые обещания? – Лев иронично усмехнулся. – Все будет именно так, как я и пообещал.

– Разве?! Но ведь Бориса будут судить за педофилию! Какие за это дают сроки, вы знаете, наверное, лучше меня... – Римма тягостно вздохнула, скорбно глядя в пространство.

– А кто доказал, что Вологодцев – педофил? – так же, как и она, полушепотом возразил Гуров. – А вы не допускаете, что он – жертва бессовестного оговора, цель которого – какие-то корыстные мотивы? И то, как к своему отчиму относится этот ребенок, для меня является очень серьезным доказательством невиновности Бориса.

Всплеснув руками, Римма заговорила с ним, как с наивным простаком, не знающим жизни:

– Лев Иванович, знаете ли вы, сколь хитры и коварны педофилы, как они умеют заморочить ребенку голову? Я считаю, что Вологодцев именно из таких, владеющих психологическими методиками, позволяющими зомбировать детей, внушая им душевную к себе привязанность. Тем более что факт растления полностью подтвердила сотрудница международного Центра детской психологии.

Лев едва сдержался, чтобы не рассмеяться – во взгляде Риммы светилась прямо-таки истовая вера в суперпрофессионализм и непогрешимость психологов западной «выпечки».

– Да, – кивнул он, сочувственно глядя на свою собеседницу, – вариант с психологическим кодированием исключать никак нельзя. Но заключение о виновности или невиновности должно делаться на основании комплекса самых разных исследований, очень придирчивого изучения даже самых бесспорных фактов. Знаете, в римском праве есть такой тезис: если ты увидел над окровавленным телом жертвы человека с ножом в руке, не спеши кричать, что это убийца. Может быть, это случайный прохожий, который вынул нож, чтобы облегчить страдания несчастного. А в истории с Борисом столько белых пятен, что вот так, с кондачка, сказать о нем «виновен!» может только самый безответственный человек.

– У вас есть доказательства обратного рода, которые способны его оправдать? – На лице его собеседницы отразилось нешуточное сомнение.

– Вот именно! Иначе я бы сюда не приехал.

– А можно мне к вам войти? – неожиданно выглянула из-за кухонной двери девочка. – А то у вас секретный разговор, а чай уже вскипел. Я вот стою и не знаю, что делать...

Лев беззвучно рассмеялся, а Римма, смущенно закашлявшись от неожиданности, качнула головой и торопливо ответила:

– Что ты, деточка! Какие там секреты?

– Взрослые всегда так говорят, когда хотят посекретничать: «Пойди, включи чайник», «Пойди, вынеси мусор», или еще что-нибудь, – рассудительно пояснила Наташа. – Вы же на самом деле чай пить не собирались, просто хотели, чтобы я отсюда вышла. Правда?

– Отчасти... – Гуров přátельски подмигнул ей. – Чаю мы выпьем обязательно. Ты мне вот что Расскажи. Когда ты еще была у себя дома, к вам приходила тетя-психологша. Как она тебе? Вы нашли с ней общий язык?

Изобразив напряженную гримаску, девочка некоторое время о чем-то думала, после чего спросила:

– Честно? Она мне очень не понравилась. Она... Она задавала всякие гадкие вопросы и плохо говорила о папе Боре. Она хотела, чтобы я думала и говорила так, как говорит она. А я врать не хочу! Я уже не маленькая и знаю, на что она меня подговаривала. Я не понимаю, зачем мама позвала ее к нам домой? А когда эта тетка ушла, мама сразу же отвезла меня к тете Римме. Этого я тоже не понимаю. Мне все это очень не нравится! Взрослые часто делают что-то очень плохое, но всегда говорят, что «так надо»...

Слушая ее, Римма беспомощно стиснула руки. Издав еще один тягостный вздох, она объявила:

– Иду наливать чай!

В процессе чаепития Лев поинтересовался у Риммы, по каким делам к ней только что приезжала Стефания. Та объяснила это желанием Свербицкой повидаться с дочерью. Кроме того, обсуждались обычные женские темы, которые «мужчинам неинтересны». Слушая ее, Гуров понял, что его собеседница откровенничать не настроена, но напирать не стал, решив выбрать для разговора на эту тему более подходящее время.

Глава 4

В шестом часу вечера, когда солнце уже уходило за крыши домов, Гуров вновь поднимался по ступенькам крыльца к входной двери своей «конторы». Ему навстречу шли сотрудники, чей рабочий день уже закончился. Отвечая на бесчисленные «До свидания, Лев Иванович!», «До завтра!», «Что-то вы припозднились, Лев Иванович, мы уже домой!..», он прошел через вестибюль и прямым ходом направился к Орлову, по пути завернув к информационщикам. Сбросив со своего сотового видео, снятое на Железнодорожной, он попросил капитана Жаворонкова в срочном порядке расшифровать разговор Стефании и Друшмалло.

– Минут за пятнадцать справимся! – пообещал тот. – Ромка через пару минут освободится и этот разговор переведет мухой. Кстати, Лев Иванович! Обрыскал я весь Интернет, но про этот Центр детской психологии накопать удалось немного. Такое ощущение, что он на полулегальном положении, хотя, как мне сообщили и в Минюсте, и в Минздраве, эта «Зорька ясная» сертифицирована как официально признанное учреждение соответствующего экспертного профиля.

Всего, по словам капитана, удалось найти лишь две интернет-публикации скандально-разоблачительного свойства. В одном из материалов описывалась ситуация с обвинением тренера команды по плаванию в сексуальных домогательствах к юной спортсменке. В качестве эксперта, который должен был провести психологическое обследование как потерпевшей, так и подозреваемого, чтобы сделать заключение о его виновности, была приглашена сотрудница ЦДП. Та, после пары часов собеседования с тренером и его тестирования, безапелляционно заявила, что он опасный маньяк, который должен быть изолирован и отдан под суд.

Так бы и отправился тренер за решетку, если бы не родители юных спортсменов. Они не поверили обвинениям и заподозрили, что кто-то хочет свести счеты с уважаемым ими человеком таким вот грязным способом. Написав петицию в Генпрокуратуру, они потребовали повторной экспертизы, в том числе и с использованием полиграфа. На сей раз обследование проводили специалисты Института Сербского. Их заключение оказалось диаметрально противоположным предыдущему. И тут, как это часто бывает, совершенно случайно нашелся свидетель, который подтвердил алиби тренера.

В ходе прокурорской проверки заявления матери спортсменки, которая якобы подверглась развратным действиям со стороны спортивного наставника, было установлено, что тот абсолютно ни в чем не виновен. Это заявление было мстью неумной мамочки за то, что девочка не вошла в сборную клуба и не поехала на зональное первенство. Мамочка была твердо уверена в спортивных дарованиях своей дочки и считала, что ее чаду тренер уделяет слишком мало внимания и только поэтому ее дочь показывает в команде наихудшие результаты. Она и мысли не допускала о том, что как пловчиха ее дочь совершенно бесперспективна и тренер, в нарушение правил, из жалости не стал ее отсеивать из клуба.

– Так вот, журналисты этого издания провели собственное расследование и выяснили много интересного... – Жаворонков достал из принтера распечатки материалов и вручил Гурову. – Специалисты Института Сербского, а также клиники Кащенко воспринимают работу этого ЦДП как полную профанацию и дискредитацию деятельности судебных психологов. Тем более что некоторые из сотрудниц Центра стали участницами скандальных историй.

– А вот это уже очень интересно! – воскликнул Лев, пробегая взглядом по страницам распечатанных текстов.

– Эта мадам, которая проводила психологическую экспертизу тренера по плаванию, я так думаю, сама остро нуждается в помощи психиатра. Она из числа завсегдатаев ночного клуба «Милый олененок», где неизменно участвует в садо-мазо-шоу.

– Вот это новости! – Гуров удивленно покрутил головой. – Да, верно, ей самой подле-
читься не мешало бы...

– Так вот, второй очерк посвящен работе «специалисток» ЦДП, работающих с детьми,
подвергшимися насилию. Там – вообще темный лес. Эти «врачеватели душ» так грубо и
топорно работают, что некоторым детям после общения с этими шарлатанами требовалась
помощь настоящих психологов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.